

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВА

В пути

СТИХИ

1959

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВА

В пути

СТИХИ

1959

for the L.C. Stevens Bibliothek
from the author

Все права сохраняются за автором

Copyright by the author

Herausgeber: Lydia Alexeyeva, New York.

Druck: Druckerei "Einheit" München 8, Hofangerstr. 73.

Inh. I. Baschkirzew. Deutschland.

Printed in Germany

От родников Твоих ни капли нет во мне,
Питают кровь мою давно другие страны, —
И Ты — лишь быстрый вздох в передрагветном
сне,
Лишь тонкий белый шрам переболевшей раны.

Но, может быть, не так? И это Ты зовешь
И под-ноги бежишь, как вечная дорога,
И мне перешагнуть ревниво не даешь
Чужого равнодушного порога?..

*
* *
*

Не жена и не любовница,
Не подруга и не мать —
Мне бесплодную смоковницей
Над источником стоять.

И, как лист на лист, похожие
Шелестят на солнце дни, —
Лишь случайные прохожие
Отдохнут в моей тени.

И вставая, чуть оглянется
На приветную листву
Та неведомая странница,
Для которой я живу.

*
* *

Где круто бьет и пенится
Поток над крутизной,
Мой стих растет поленицей
На вырубке лесной, —

Пахучей, неотесанной,
Увязнувшей во мхи;
Крест-накрест в ней набросаны
Смолистые стихи, —

А под корой древесною
До срока залегло
Для очага безвестного
Таимое тепло.

Свежий луг и теплый ветер
И пшмели на стебельках.
Что мне делать в утра эти
С книгой пасмурной в руках?

Что бумажные страницы,
Если нынче я могу
Божьей грамоте учиться
На нескошенном лугу?

Тайной азбукой цветенья
Раскрывается трава . . .
Вот еще, еще мгновенье —
И пойму ее слова!

Кто в земном хозяйстве лишний? ..
Посмотри, — на гладь реки
От шатра цветущей вишни
Облетают лепестки.

И плывет вода густая,
Унося вишневый цвет,
Не жалеет, замечая
Навсегда прозрачный след...

Но в воде полощет ива
Зеленеющий платок —
И считает терпеливо
Каждый легкий лепесток.

Передо мною все богатство дня —
Земля и лес, обрывы, травы, пчелы, —
Они тепло струятся сквозь меня,
Душа от них становится тяжелой.

Когда ж еще, лучиста и тиха,
В нее звезда вечерняя упала —
То ракушкой душа ее всосала,
Обволокла жемчужиной стиха.

Вселенная умрет со мной? ..
Леса и звезды и метели,
Все, что сияли и звенели
Во мне одной, —
И душный мрак и Божья слава,
Что замкнуты во мне, как лава,
В коре земной...

Но если я — не раб лукавый?
Но если я — не вся умру?
Но если слово жаркой лавой
Прорвет застывшую кору?

О, как я радостно верну
Мой дом — мой мир — мое жилище,
И поднимусь беспечной нищей
В Твою высокую страну!

*

*

*

Белка носит жолуди
В теплое дупло.
От деревьев в золоте
И в лесу светло.

Листья веют шопотом
И летят к земле,
И смеются хлопотам
В беличьем дупле.

Их заботы кончены,
Их зовет покой.
Я листок подточенный
Перейму рукой, —

Чтобы тонким шопотом
Научил меня
Отойти без ропота
От земного дня.

*
* *

Крепчают синие снега,
Мороз каленым паром дышит.
Дымок чужого очага
Витой колонкой стал на крыше.

А под стрехой сосульки меч
Висит прозрачный и огромный,
Чтоб дом вечерний уберечь
От нищеты моей бездомной.

Кто из предков во мне проявляется больше?
Кто глядит из моих неуверенных глаз?
Мой задор — от моей неуступчивой Польши,
Чувство меры — твое, виноградный Эльзас!

Где то хитрая дремлет во мне Византия,
Синью греческих волн озаряется стих...
Но всех слаще мне имя Твое, Россия, —
Все мои чужеземцы — у ног Твоих!

ПАМЯТЬ

Чуть стихами — магической палочкой —
Трону в памяти спящую быль, —
Рыбный ветер над солнечной балочкой
Пронесет беловатую пыль.

И тугим, сухоногим кузнечиком
Зазвенит по обрыву трава,
И за детским коричневым плечиком
Будет влажно мерцать синева...

Было, есть — для души одинаково, —
Даже, может быть, сердцу слышней
Хруст и шорох раздавленных раковин
Под ребячьей сандаley мойей.

Бывало, двумя руками
Уцепишься за края
И сдернешь шершавый камень:
А вдруг — под камнем — змея?

Под камнем сыро и гладко —
Личинки да корешки,
Ругаясь, бегут с оглядкой
Заспавшиеся жуки.

Опустишь камень обратно
(Напрасен отважный труд), —
А в памяти все же пятна
Извивом змеи ползут.

Прозрачно море с пристани до дна —
И в солнечном, солено-свежем утре
Смотрю, как осторожная волна
Расчесывает водорослям кудри;

Как их упругий изумрудный сад
Вздывается и опадает живо,
И пузырьки серебряно скользят,
И дно мерцает золотым отливом.

Ложусь на доски теплые ничком
И руку в море опускаю быстро —
И вот он, в пальцах, мертвый, бурый ком.
И это все. И пахнет солью пристань.

*

*

*

Наш спор был жарок и высок.
Мы шли и луг топтали дикий, —
Крутили в пальцах колосок,
Срывали венчик повилики,

И мертвой бабочки крыло,
Не видя, к свету поднимали
(Оно круглилось и цвело
Отливом бархата и стали),

И жизнь была так молода,
И мир чудесней и огромней...
О чем мы спорили тогда?
Ты помнишь? Я совсем не помню.

Помню полустанок под горой,
Солнечную, рыжую скалу.
Пахло углем, камнем и жарой,
Потный паровоз шипел в пыли.

И когда напился паровоз,
Дрогнул поезд, поползла скала, —
А на ней мой колокольчик рос —
Прямо так — из камня, из тепла.

Легкий, зыбкий, бледноголубой
На сухом невидимом стебле . . .
Для того мы встретились с тобой,
Чтоб расстаться тотчас на земле?

Чтобы поезд вылетел рывком
На равнину от горячих скал,
Чтобы долго синим огоньком
Ты в вечерней памяти мерцал.

ОТЪЕЗД

По тревоге вышли из теплушек,
В кудри виноградника легли.
Смерть кружила то звончей то глуше.
Мирным солнцем пахло от земли.

Грозди хризолитово светили,
Медленный вынашивая мед.
Отщипнула . . .

Улетают? Или
Вот, сейчас, вернется — разобьет? . .

Нет, ушли. Во рту свежо и кисло.
Долго длились эти полчаса.
Узкой белой радугой повисла
В отгремевшем небе полоса.

Пахнет полем, солнцем, виноградом.
Лезем в разогревшийся ковчег.
Грохот тормазов. И снова рядом
Бег земли — разлуки трудный бег.

Старый кот с отрубленным хвостом,
С рваным ухом, сажей перемазан,
Возвратился в свой разбитый дом,
Посветил во мрак зеленым глазом.

И, спустясь в продавленный подвал,
Из которого ушли и мыши,
Он сидел и недоумевал,
И на зов прохожего не вышел.

Захрустело битое стекло,
Человек ушел, и тихо стало.
Кот следил внимательно и зло,
А потом зажмурился устало.

И спиной к сырому сквозняку,
Он свернулся, вольный и надменный,
Доживать звериную тоску,
Ждать конца — и не принять измены.

О, как вы бесконечно далеки
Дни школьной и чудесной несвободы:
Уроки, перемены и звонки,
Переэкзаменовки, бутерброды . . .

«Что лучше — вовсе счастья не узнать,
«Или узнать и потерять навеки?»
Как светится каштановая прядь,
Как свежи незаплаканные веки!

.

Каштановое съела седина,
И веки долгим горем тяжелеют,
И я стою одна, совсем одна
Над разоренной радостью моею, —

И, кажется, вся выжжена до тла . . .
Теперь я знаю — лучше, что была.

Снега деревенского простор.
По сугробам синим козы стежки.
На горе большой крестьянский двор,
Желтым светом теплятся окошки.

Выбираю крайнее окно,
По сугробам пробираюсь ближе . . .
Будто бы — ты ждешь меня давно,
И сейчас в окно тебя увижу.

Будто бы — я к нам войду домой
В запахе сосны, мороза, теса, —
И с улыбкою на голос мой
Встанешь ты и бросишь папиросу.

Недоверчивый залаял пес.
Вечер. Лес. Пустынная дорога.
Близко-близко до морозных звезд . . .
Далеко до твоего порога.

Птица крепкое гнездо свила
Из сухих стеблей и станиола,
Что с весенних побуревших елок
В радости хозяйственной сняла.

Той весной окончилась война.
Выросли птенцы. Гнездо упало . . .
Было их, искристых гнезд, немало,
Где с надеждой гибель сплетена.

Из каких четвертых измерений,
Из каких чудесных кладовых
Льется запах краденой сирени
С неуклюжей лаской слов твоих?

Та сирень поникла и увяла
Через день — но вот который год
Я над ней склоняюсь все сначала —
И она цветет, цветет, цветет . . .

.

Встречный поезд в нежданном споре
Победил, провеял, умчал —
И опять несется цикорий
У обветренно бурых шпал.

Словно в сердце железным градом
Рухнул мир, покинутый, мой...
И сказала девочка рядом:
«Мама, мама, хочу домой!»

Но тихонько вздохнула мама,
Развернула ей шоколад:
«Этот поезд бежит все прямо,
Не умеет идти назад!»

*

*

*

Вот, добралась. Еще шумит в ушах
И крупной дрожью ломаются колени.
Еще один нетерпеливый шаг
К ребру последней солнечной ступени, —

И с крутизны, где снизу ветер бьет
И волосы, как водоросли, моет, —
Слежу мой путь. Он непохож на взлет,
Он трудно и упрямо пройден мною.

И вновь неблагоприятною мечтой
Я прохожу — не мирный склон пологий,
Но каменный карниз над пустотой,
Но зыбкий оползень, где вязнут ноги,

Но ели, что царапая спасли
Меня в паденьи, дружески и грубо, —
И близкий запах камня и земли
И ими в кровь разорванные губы.

Но разве одоленное в борьбе
Одно души и памяти достойно? ..
А мы то, Боже, молимся Тебе
О ясном небе и судьбе покойной!

УШЕДШЕЙ

Последним, не твоим письмом
Наш разговор остановили . . .
Твой город, улицу и дом,
Что так перу привычны были,
Могу забыть. И весь твой путь
В надежде, горечи, заботе —
Могу легко перечеркнуть
Теперь карандашом в блокноте:
Две тонких линии всего —
И больше нет тебя, родная.
А новый адрес? Я его
Бог даст, в мой смертный час узнаю.

Когда в лесу на соснах зрели шишки,
Я набрела на брошенный костер —
Пушистый пепел, черные култышки,
И мелких прутьев обгорелый сор.

Вот на камнях придвинутых блеснула
В забытой банке дымная вода...
Я не пила — я только заглянула,
И заболела лесом навсегда.

*
* *
*

От листьев на ветвях весенних,
Счастливых солнцем и собой,
Еще младенческие тени
Лежат прозрачною резьбой.

В молчаньи, смехе, разговорах,
Везде, куда ни обернусь —
В ушах их первый влажный шорох,
Во рту их первый горький вкус.

И с каждой новой минутой
Сильнее их зеленый свет . . .
Ну, пусть не мне, но ведь кому то
Сегодня восемнадцать лет!

*
* *

По настилу топкой хвои,
В чаще розовых стволов,
Вновь шипенье дождевое,
Бледный шорох облаков, —

Но прозрачней вьются пряди,
Зеленой мерцают мхи,
Задрожал в озерной глади
Солнца ломкий малахит . . .

Грузный блеск последних капель
Отливает голубым, —
Лишь в моей промокшей шляпе
Пахнут сумраком грибы.

Здесь пахнет лесопилкой пол
И пряниками стены.
Здесь долог день, и легок сон,
И плавны перемены.

Здесь ветер с полымем зари
Шуршит по кабинету,
Как будто кто забыл внутри
Раскрытую газету.

Газета? Здесь? Газеты нет,
Но на столе день целый
Подсохший полевой букет
Пыльцой пушится зрелой,

И пчелы, ворошась на нем,
Внимательны, мохнаты,
Несут еще живой заем
В медовые палаты.

Где пухлый снег у шалаша
Стянул под утро иней колкий,
Две лиственницы, не спеша,
Роняют рыжие иголки . . .

Топор на оснеженном пне,
Дымок пахучий и пушистый,
В морозно синей вышине
Деревьев белые мониста,

И след лазоревый в снегу,
Прямой и легкий, вверх по склону —
От оттепели сберегу
В прохладе памяти плененной.

БАЛЛАДА

Где гремит ледяной поток
В облака слетая со скал,
Эдельвейс — шерстяной цветок —
Человек для нее искал.

Но скользнул под ногой уступ . . .
Он упал далеко в реке —
С красной пеной у мертвых губ,
С эдельвейсом в мертвой руке.

Дети дали мокрый цветок
Строгой девушке с чистым лбом, —
С ним ворвался горный поток
В непорочный ее альбом.

Но никто не увидел слез
Под ресницами гладких век:
В них высокий сиял утес
И к утесу шел человек.

Метелью веяло в бору,
Шипело снегом в мокрой чаще.
Стволы, как чернь по серебру,
Сквозили в белизне летящей.

И мне казалось — я плыву,
Я на плоту, скользящем шатко,
А лес летит — не наяву —
Кружится в обмороке сладком.

Но обернулась — а за мной
В часовне, снегом занесенной,
Темнел недвижной тишиной
Алтарь с лазоревой Мадонной.

Пока вокруг метель мела
И светлый снег кипел, бушуя,
Она стояла и ждала —
Нет, не меня, совсем чужую,

Меня уже нигде не ждут —
Но словно белке, лани, птице,
Чтоб отдохнуть, остановиться,
Она и мне дала приют.

МЕДВЕДИЦА

Мокрый снег на солнце светится,
Талая вода черна.
В теплом логове медведица
Пробуждается от сна.

И хрустит в сыром валежнике
Зверь, дремотен и уныл,
И на первые подснежники
Сонной лапой наступил.

«Ах ты, туша неуклюжая» —
Затрещал под нею лед, —
А она стоит над лужею
И весну из лужи пьет.

Облетели кверху донцем
Все сосульки, как одна,
И в глаза холодным солнцем
Дует ранняя весна.

И сугробы разом сели,
Как упавшие хлеба,
И под мокрый звон капли
Зацвела в снегу верба.

Не впервой цвести на стуже...
Не впервой скитаться там,
Словно ходишь не по луже —
По летящим облакам, —

И тебе в раскрытом мире
Внятен каждый блеск и вздох —
Словно глаз дано четыре
И ушей не меньше трех.

*

*

*

Еще прозрачен, сер и пуст
Кипящий воробьями куст,

И желтый солнечный припек
Еще не жжет холодных щек, —

Но талой лужи чернота
Весенней синью налита,

И облако всплывает в ней
Все круче, крепче и белей.

Влажно ландыши дышали,
Крупный дождь шуршал по склону,
На прощанье гром по тучам
Бил чугунными шарами —
Но далекие вершины
Озарились тихим солнцем,
Молодые листья буков
Налились зеленым светом.
Я из каплющей пещеры
Протянула солнцу руки,
Сорвала я ближний ландыш
Самый свежий, самый белый,
Сорвала его — навеки,
Навсегда укрыла в сердце,
Вместе с каплей самоцветной
И земли комочком черным,
И прилипшею хвоинкой —
И моим недолгим счастьем.

Дождь отшумел. Зеленый свет
В лесу сверкающем и влажном,
И круглых капель легкий след,
Припухший на листке бумажном.

Как жадно зеленеют мхи,
Прощальному внимая грому, —
И пахнут — даже и стихи —
Промокшим кружевом черемух.

Лицо щекочут стебли трав
И пахнут сыростью и медом.
Я, золотой букашкой став,
Ползу под их прозрачным сводом.

Мой путь неспешен и тяжел:
Вот гладких желудей застава,
А вот шершавой башни ствол
И зоркий птичий щебет справа...

Дыханья душная струя,
Как бури колея двойная...
Ах да, ведь это тоже — я.
Кто больше я? Кто я? Не знаю.

Спозаранку щебет слышно
У раскрытого окна,
И цветет светло и пышно
На задворках бузина.

Облаков кружится стая
Снега крепкого белей,
И гудит трава густая
Теплым бархатом шмелей.

Почему же светлой вести
Я от них не приняла?
Все, как прежде, все на месте —
Только молодость ушла.

ОКТАБРЬ

Мир прозрачен, солнечен, пуст, —
Ни надежды в нем ни тревоги.
В красных ягодах голый куст.
Завиток листа на дороге.

Теплый камень и блески в нем,
А на камне плоская муха.
Вот и мы — так же тесно льнем
К блескам памяти зябким ухом.

За углом холодная тень,
В ней легко голубеет иней.
И недолог октябрьский день —
Тихий-тихий и синий-синий.

Истаял дождь в сыром угаре,
В тумане дымные дома,
И яркий лист на тротуаре
Обводит влажная кайма.

То смерть, прервав земную пляску,
Склонилась, и тиха, чиста —
Снимает траурную маску
С еще прекрасного листа.

*
* *

Расточительных слов не надо.
Строгой осени день пришел:
Из цветистого листопада
Вышел лес так прозрачно гол.

Видны скал обомшелых глыбы
И стволы в исполинский рост,
Каждой ветки сухой изгибы
И комочки остывших гнезд.

Ветром пасмурным лес очистив,
Осень лето сожгла в кострах,
И остался от слов и листьев
Горьковатый и легкий прах.

Вся жизнь прошла, как на вокзале —
Толпа, сквозняк, нечистый пол.
А тот состав, что поджидали,
Так никогда и не пришел.

Уже крошиться стали шпалы,
Покрылись ржавчиной пути, —
Но я не ухожу с вокзала,
Мне больше некуда идти.

В углу скамьи под расписанием,
Просроченным который год,
Я в безнадежном ожиданьи
Грызу последний бутерброд.

В ПАРКЕ

1.

Под скамьей пустая бутылка,
И лицо в немых руках.
Все, что сердцем владело пылко —
Вдохновенье и страсть и страх —
Отошло, чтоб в тени прохладной
Он разглядывать мутно мог
Голубей доверчиво жадных
У его неспешащих ног.

2.

Доверив прихоти ножонок
Знакомства первые свои,
Мне улыбнулся негритенок
И задержался у скамьи, —
В своем большом и белом друге
Еще совсем не видя зла...
Но мать привстала, и в испуге
Его к себе отозвала.

СКАРАБЕЙ

Маленький лазурный скарабей
Под стекольным холодом музея.
Сколько черных бездыханных дней
В саркофаге ждали скарабея,

Чтобы день пришел, и грянул свет,
И в ладони варварской, случайной,
Понял он: ему возврата нет
В мир, лишенный мудрости и тайны.

Он дешевой пуговкой лежит
Под стеклом — и грубый и чудесный, —
Но читать старательный петит
Никому о нем неинтересно.

У вечерних присев ворот,
Жизнь, тяжелый клубок забот,
Из усталых рук уронить, —
И одну лишь распутать нить:
Шелковинку зеленых дней,
Что прошли по душе моей,
Что связали меня петлей
С этой злой любимой землей.

*

*

*

Все, во что мы верили, не верили,
Что любили, знали, берегли —
Уплывает, словно на конвейере,
С кровью сердца и с лица земли.

Или это мы летим неистово,
Или это нас волна несет?
Так порою отплывают пристани,
А стоит идущий пароход.

Вот выпал снег — и растаял.
Вот жил человек — и умер.
И чья то лодка пустая
Толчется в прибрежном шуме, —

Но к ней не придет хозяин —
Уплыл он в страну иную.
Лишь небо светло зияет,
Не видя печаль земную.

*

*

*

Я —первый серый щебет,
Зажженная скала,
И мне навстречу в небе
Два розовых крыла . . .

Но вот по веткам брызнет
Пытливый солнцем день,
И упадет от жизни
Отчетливая тень, —

И камнем будет камень,
И я — какой была,
И просто облаками
Два розовых крыла.

*
* *

Конец томительного дня,
Пустой молчащий дом.
Кто это смотрит на меня?
Кто в зеркале моем?

Не я, о нет, — я выше их,
Глядящихся в упор:
Я тот, кто видел и постиг
Немой их разговор.

ДУША

Я спала, как серый мрамор в глыбе, —
Мысль невоплощенная Твоя:
Ты меня резцом из камня выбил,
Для отдельной жизни изваял.

И раскрылось мраморное око,
И увидело, что мир — во вне, —
Я сотворена. Я одинока.
Я свободна. Что же страшно мне?

Ветер, облака уже не братья,
И земля — не мой родимый дом...
Не оставь теперь меня, Ваятель,
В первом одиночестве моем!

Замкнулся день благословенным кругом
Земных своих чудес:
Все розовее облако над лугом
И все чернее лес.

Кто райским пламенем над ночью рея,
Зовет и ждет меня?
«Уйди от ночи, поднимись скорее
До моего огня!»

Но на-плечи прохладные ладони
Мне сумерки кладут:
«Нет, не уйдешь, не убежишь погони, —
Мы тут, мы тут!»

Мы крошки с Божьего стола,
Осколки первой тайны —
Все наши жизни и дела
Так странны и случайны.

Но как, беспомощно любя,
К Тебе вернуться снова?
Как вылупиться из себя,
Из зеркальца кривого?

Забывать, что в нем отражено,
Разбить земные меры,
И снова стать с Тобой одно
В огне плавильном веры? . .

Здесь, в саду таинственном Твоем,
Я, как лист на дереве осеннем,
Вся дышу последним тихим днем,
Но ползут длиннеющие тени . . .

Скоро ветер колыхнет, шурша,
Сад ночной и, не противясь даже,
Лист увянувший, моя душа,
Подлетит к ногам Твоим и ляжет.

ТЕНЬ

Длинная тень убегает по-лугу,
Лугу вечернему, золотому.
Утром мы обе с ней были молоды, —
Нынче устало шагаем к дому.

Тень на крыльцо поднялась и падает,
Словно сломилась своей любовью.
Я подожду — если будут рады ей,
Тоже вернусь под родную кровлю.

*
* *

То сверкнет, то затонет
Черным боком скала —
Плеск прозрачных ладоней
О нее без числа:

Приливают упруго,
Отступают, журча, —
Три столетья — и угол
Стал круглее плеча.

Семь столетий — и выем,
Крабу влажный навес:
Им не к спеху, стихиям,
Им не надо чудес.

Да, безнадежность — тоже утешенье:
Покой и легкость, нечего терять.
И только сердца теплое биенье
И под рукой послушная тетрадь.

А целый мир могуче и покорно
Цветёт в моем распахнутом окне,
И созревает, и роняет зерна,
И прорастает песнями во мне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От родников Твоих	3
Не жена и не любовница	4
Где круто бьет и пенится	5
Свежий луг и теплый ветер	6
Кто в земном хозяйстве лишний	7
Передо мною все богатство дня	8
Вселенная умрет со мной	9
Белка носит жолуди	10
Крепчают синие снега	11
Кто из предков	12
Память	13
Бывало, двумя руками	14
Прозрачно море	15
Наш спор	16
Помню полустанок под горой	17
Отъезд	18
Старый кот	19
О, как вы бесконечно далеки	20
Снега деревенского простор	21
Птица крепкое гнездо свила	22
Из каких четвертых измерений	23
Встречный поезд	24
Вот, добралась	25
Ушедшей	26
Когда в лесу на соснах	27
От листьев на ветвях весенних	28
По настилу топкой хвои	29
Здесь пахнет лесопилкой пол	30
Где пухлый снег у шалаша	31
Баллада	32

ОГЛАВЛЕНИЕ (продолжение)

Метелью веяло в бору	33
Медведица	34
Облетели кверху донцем	35
Еще прозрачен, сер и пуст	36
Влажно ландыши дышали	37
Дождь отшумел	38
Лицо щекочат стебли трав	39
Спозаранку щебет слышно	40
Октябрь	41
Истаял дождь	42
Расточительных слов не надо	43
Вся жизнь прошла	44
В парке	45
Скарабей	46
У вечерних присев ворот	47
Все, во что мы верили	48
Вот выпал снег и растаял	49
Я — первый серый щебет	50
Конец томительного дня	51
Душа	52
Замкнулся день	53
Мы крошки с Божьего стола	54
Здесь, в саду таинственном Твоем	55
Тень	56
То сверкнет, то затонет	57
Да, безнадежность тоже утешенье	58

